

А.В.Власенко

**ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ (1860 — 1890 гг.)***Гуманитарный институт НовГУ*

The given article is dedicated to the history of development of penitentiary establishments in Novgorod province in the late 19th century, especially such aspects as construction of prisons (province and district prisons and civil convict labour gang), their governing, protection, enlightening activity among prisoners, clothes, medical service and labour of prisoners.

До начала 1830-х гг. в Новгороде специально тюремного здания не было, и арестанты помещались в корпусе присутственных мест. В начале 1830-х гг. Комитет об устройстве губернского города Новгорода под руководством И.Ф.Соколова приступил к разработке проекта новой губернской тюрьмы, в трехэтажном здании которой планировалось одновременно разместить и казармы арестантской роты гражданского ведомства [1]. Строительство велось в 1834 — 1838 гг. при непосредственном участии заключенных. Свидетельства о вместимости губернского тюремного замка разнятся. По данным Российского государственного исторического архива она составляла 72 человека [2], а по документам Государственного исторического архива Новгородской области здание было рассчитано на 109 заключенных [3].

Тюремные замки существовали и в уездных городах Новгородской губернии: в Старой Руссе, Демянске, Крестцах, Валдае, Боровичах, Тихвине, Устюжне, Череповце, Кирилове и Белозерске. К сожалению, нет конкретных дат их основания, за исключением Демянского, который был построен в 1841 г. [4]. Одна из уездных тюрем (в Боровичах) помещалась в наемном здании, принадлежавшем мещанину Колчанинову, с которым был заключен контракт на один год, и находилось оно в удовлетворительном состоянии. Остальные девять уездных тюрем размещались в казенных зданиях.

Пенитенциарные учреждения имели свою систему управления и охраны, состоявшую из трех звеньев: центрального, среднего, низового. Рассмотрим лишь последнее, предполагавшее непосредственное управление отдельными местами заключения. По закону от 15 июня 1887 г. оно включало начальников тюрем, их помощников и смотрителей, а для религиозного воспитания арестантов — священников и дьяков. Наблюдение за гигиеной возлагалось на врачей и фельдшеров.

Охрана тюрем состояла из старших и младших надзирателей, которые назначались смотрителем, а утверждались тюремной комиссией, а также караульной охраны. В одном из фондов ГИАНО обнаружен «Табель вещевого довольствия низших чинов тюремной стражи» [5].

Со стороны отдельных надзирателей наблюдались случаи произвола. В качестве примера приведем документ о надзирателе крестецкой тюрьмы Рябове, в котором говорится следующее: «...тюремный надзи-

ратель Рябов позволяет себе совершенный произвол: караульные солдаты по его приказанию бьют арестантов ружейными прикладами и колют их штыками; в деньгах, получаемых на продовольствие арестантов, он не дает никому отчета, подавая вещи и деньгами остаются в его пользу; не выдается плата арестантам за произведенную ими работу; арестантам, имеющим деньги, оказываются разные противозаконные льготы, дозволяется переписка без надлежащего просмотра... разрешается иметь в камерах карты, ножи, вилки...» [6]. Но дело не получило хода, поскольку арестанты к Рябову претензий не имели, и указанный случай был скорее исключением, чем правилом.

Новгородская арестантская рота №2 гражданского ведомства так же имела свой штат, включающий обер-офицеров, фельдфебелей, унтер-офицеров, барабанщиков, писарей и цирюльников. Все они помещались в здании военного ведомства, «от здания роты приблизительно на 1/2 версты» [7].

В пенитенциарных учреждениях Новгородской губернии содержались представители всех сословий, как люди дворянского звания, так и «простолюдины» и крестьяне. По возможности они были разделены по сословному, возрастному и половому признакам. Несовершеннолетних, которых невозможно было разместить отдельно от взрослых из-за тесноты помещений, сажали в камеры со взрослыми, отличавшимися хорошим поведением и не обвинявшимися в тяжких преступлениях.

При тюрьмах создавались школы, в которых занятия вели священники и псаломщики, и лишь в редких случаях — штатные преподаватели. Состав преподавателей определялся объемом преподавания, включавшим обучение Закону Божию, чтению и письму. До 1880 г. школа существовала только при новгородском тюремном замке, где арестантов грамоте и Закону Божию обучали священник и псаломщик, а школьные принадлежности приобретались на деньги тюремного комитета. Обучалось в ней до 70 человек [8]. С 1880 г. открылись постоянные школы в череповецкой тюрьме, где обучалось 29 человек, а преподаватель работал бесплатно, и в устюжеском тюремном замке, где училось 12 человек, а преподаватель получал 100 рублей в год. Классные комнаты были устроены в тюрьмах Боровичей — на 58 человек, Демянска — на 20, Белозерска — на 6 человек. В старорусской тюрьме за неимением средств на организацию школы или даже классной комнаты арестан-

ты занимались самообразованием под руководством смотрителя. В крестецком, кирилловском и валдайском тюремных замках вообще никаких образовательных средств не было.

В тюремных замках Новгородской губернии создавались небольшие библиотеки, которые пополнялись за счет тюремного комитета и пожертвованных книг. Так, для новгородской тюремной библиотеки выписывались журналы «Странник», «Русский рабочий», «Вестник народной помощи», «Душеполезное чтение», «Воскресное чтение», «Жития святых», «Новый Завет» [10].

Особое внимание уделялось непосредственно религиозному воспитанию заключенных, для чего при всех тюремных замках Новгородской губернии были устроены церкви, где проводились богослужения для заключенных. При новгородской тюремной церкви состояли священник с псаломщиком, которые получали «содержание из сумм Губернского комитета: первый 530 рублей и второй 300 рублей в год», а по новгородской арестантской роте гражданского ведомства священник получал содержание в размере 120 рублей в год из экономических сумм данного учреждения [11]. Богослужения здесь проводились три раза в неделю: по средам, пятницам и воскресеньям, а также во все великие праздники. Великим постом арестанты говели, а службы совершались практически каждый день. При церкви существовал хор певчих из арестантов, которых обучал пению псаломщик. Несколько раз в неделю к арестантам в камеры приходил священник.

В уездных тюремных церквях службы проводились по воскресеньям и в праздничные дни преимущественно городскими священниками, причем некоторые приезжали бесплатно, а некоторые — за годовое вознаграждение: в Боровичах, Белоозере, Демянске — 40 рублей, в Кириллове — 5 рублей [12].

Общих правил относительно питания арестантов в тюрьмах не существовало: в одних кормовые деньги выдавались заключенным на руки, в других было организовано приготовление пищи в самой тюрьме.

Заготовки продовольствия для тюремных замков Новгородской губернии производилось хозяйственным способом, продукты доставлялись еженедельно. Пища арестантов состояла «из 2 1/2 фунта, а для занятых работами из 3 фунтов ржаного хлеба, горячей пищи и квасу. Горячая пища бывает попеременно: щи, жидкая каша преимущественно из гречневых круп, с прибавкою 1 1/2 четвериков картофеля на всех арестантов и горох. В постные дни кушанья готовятся со сметками и постным маслом, в скоромные с салом или коровьими головами, в высокаторжественные, храмовые и другие великие праздники отпускается на человека по 1/2 фунта мяса и сверх того готовится крутая гречневая каша... Для лиц привилегированных сословий устроен особый котел, в котором готовится им улучшенная пища на сумму, равняющуюся их кормовым ... с прибавкою от комитета по 8 коп. на каждого»

[13]. Кроме того во всех тюремных замках Новгородской губернии пекли собственный хлеб и обрабатывали тюремные огороды.

Заключенные получали дополнительное продовольствие посредством пожертвований местных жителей в их пользу: хлеб белый и черный, баранки, яйца, молоко, капусту, масло коровье, огурцы, крупы, говядину, сметки.

Одеждой, бельем и обувью арестанты тюремных замков Новгородской губернии снабжались за счет казны.

Для организации лечения заключенных и соблюдения правил санитарии Главное тюремное управление рекомендовало каждой тюрьме иметь постоянный медицинский персонал, после чего при большинстве мест заключения стали открываться больницы. С 1840 г. в новгородском тюремном замке существовала больница, устроенная сначала на 15, а затем на 37 коек. В больнице работали врач, фельдшер, два надзирателя и надзирательница [14]. До 1880 г. медикаменты поступали из Санкт-Петербургского аптечного магазина, а с 1880 г. эту обязанность взял на себя провизор Домашевич. Больные заключенные новгородской арестантской роты гражданского ведомства отправлялись в военный госпиталь, а с 1875 г. поступали в больницу новгородского тюремного замка. Из старорусского тюремного замка больных арестантов отправляли в госпиталь 86-го Вильманstrandского полка, а женщин — в городскую больницу; из боровического — в земскую больницу. В череповецкой тюрьме, согласно разрешению Главного тюремного управления, с 1 августа 1879 г. открылась собственная больница на 5 коек, которой заведовал городской врач Швецов. Во всех остальных уездных тюрьмах губернии больные арестанты оставались в специально отведенных камерах, где лечились за счет местных земств.

В пореформенный период правительство пришло к мысли о гуманном отношении к заключенным «через доставление им труда» [15].

В новгородском тюремном замке практиковались следующие ремесла: портновское, сапожное, бондарное, слесарное, плетение мат из мочал и соломенных вещей, вязание чулок и носков, приготовление пищи и выпечка хлеба, земляные работы на железной дороге, очистка торговой площади, скол льда. При тюрьме имелись просторная мастерская и кузница. С 1887 г. на ее территории началось строительство кирпичного завода, где мастер Василий Афанасьев Петров обучал заключенных выделке кирпича-сырца, который затем продавался «за 1000 и более — 12 рублей, за меньшее количество — 13 рублей» [16].

Занятия арестантов уездных тюрем Новгородской губернии не отличались большим разнообразием: они были заняты плетением лаптей из лыка, ковров из мочал, соломенных шляп, прядением льна, вязанием чулок, распиловкой дров, очисткой площадей. Для арестантов новгородской арестантской роты №2 гражданского ведомства работы сводились к очистке площадей и мест около присутственных и городских зданий.

Таким образом, для тюрем Новгородской губернии в 1860 — 1890 гг. были характерны те же

процессы и этапы развития, что и для остальных пенитенциарных учреждений пореформенной России.

1. Кушнер И.И. Архитектура Новгорода. Л., 1991. С.142.
2. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф.1286. Оп.29. Д.505. Л.2-2 об.
3. Государственный исторический архив Новгородской области (далее ГИАНО). Ф.138. Оп.1. Д.2780. Л.37 об.-38.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф.122. Оп.3. Д.142. Л.85.

5. ГИАНО. Ф.199. Оп.1. Д.79а. Л.32 об.
6. ГИАНО. Ф.138. Оп.1. Д.2344. Л.11-11 об.
7. РГИА. Ф.1286. Оп.25. Д.119. Л.241.
8. Центральный государственный исторический архив г. СПб. Ф.1045. Оп.2. Д.12. Л.79.
9. Там же.
10. Там же. Л.77 об.
11. Там же. Л.77.
12. Там же. Л.77 об.
13. Там же. Л.76.
14. Там же. Л.78.
15. Краткий медикотопографический очерк Псковской губернии. Спб., 1891. С.284.
16. ГИАНО. Ф.197. Оп.1. Д.32. Л.2, 22.